Рукопись напечатана
38 стр. на машинке
Корр. 45
Гуляеву
Благодарю автора
ПРОВ. 19 20/II 19 г.

Современный аграрный вопросъ и кооперативы.

Съ конца XIX и съ начала XX вѣка сельское хозяйство Россіи вступаетъ въ новый *интенсивный* фазисъ аграрной эволюціи. Такіе переходы совершаются въ исторіи народнаго хозяйства обычно не чаще одного раза въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, длятся десятилѣтіями и влекутъ за собой не только громадныя экономическія и соціально-политическія послѣдствія, но и производятъ глубокій переворотъ въ нравахъ, обычаяхъ—во всемъ бытовомъ укладѣ деревенскаго люда. Намъ, современникамъ этого переворота, онъ не кажется такимъ грандіознымъ и глубокимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ: многія изъ существенныхъ его сторонъ ускользаютъ отъ нашего вниманія, а между тѣмъ, если мы хотимъ черезъ настоящее воздѣйствовать на будущее—мы должны не только внимательно изучить всѣ стороны совершающагося передъ нашими глазами хозяйственнаго перелома, но и принять въ немъ то активное участіе, которое для насъ возможно. Переходъ въ интенсивный фазисъ аграрной эволюціи, происходящій въ значительной мѣрѣ подъ напоромъ стихійныхъ факторовъ—уплотненія населенія и развитія рынка, сопровождающійся у насъ производимой правительствомъ ломкой старыхъ и насажденіемъ новыхъ формъ землевладѣнія и землепользованія—будетъ протекать тѣмъ безболѣзненнѣе для народныхъ массъ, чѣмъ больше сознательности и планомѣрности внесутъ въ него ближайшія къ народу общественныя организаціи—*кооперативы*.

Для того, чтобы намѣтить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, перспективы дѣятельности, открывающейся передъ кооперативами въ настоящій моментъ русской сельско-хозяйственной исторіи, я позволю себѣ обрисовать вкратцѣ нѣкоторыя, имѣющія существенное значеніе для кооперативовъ, послѣдствія, вытекающія изъ двухъ главныхъ особенностей нашего современнаго аграрнаго вопроса—внѣдренія интенсивнаго земледѣлія въ извѣчную „трехполку“ и переворота въ формахъ землевладѣнія и землепользованія.

I.

Ухудшеніе положенія малоземельныхъ при интенсификаціи.

Переходъ къ интенсификаціи требуетъ отъ крестьянской массы не только увеличенія затратъ физическаго труда, запасовъ котораго у насъ—дѣвать некуда, но и извѣстныхъ капиталовъ и знаній. Знанія понемножку распространяются въ крестьянствѣ черезъ агрономовъ, капиталы—доставляются отчасти кредитными кооперативами. Натуральныя формы крестьянскаго хозяйства, при интенсификаціи, быстро вытѣсняются денежными, благодаря болѣе тѣсной связи съ рынкомъ. Крестьянинъ соприкасается съ рынкомъ не только, какъ продавецъ зерна и новыхъ продуктовъ плодосмѣннаго сѣвооборота, развивающагося садоводства, огородничества, скотоводства, птицеводства и пр., но и какъ покупатель рыночныхъ средствъ производства: усовершенствованныхъ орудій, искусственнаго удобренія, улучшенныхъ сѣмянъ, потребность въ которыхъ у него возрастаетъ систематически съ введеніемъ прогрессивныхъ пріемовъ и трудоемкихъ культуръ въ сельское хозяйство. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ему приходятъ на помощь кооперативы, организующіе три стороны соприкосновенія индивидуальнаго крестьянскаго хозяйства съ внѣшнимъ міромъ: *кредитъ, сбытъ* и *покупку* хозяйственныхъ предметовъ.

Однако, въ кооперативныхъ организаціяхъ различные слои крестьянства—богатые, средніе и бѣдные участвуютъ далеко не въ одинаковой степени. Такъ, взявши изъ официальнаго отчета по мелкому кредиту за 1907 г. имѣющіяся тамъ по 3 губерніямъ (Воронежской, Оренбургской, Уфимской) группировки членовъ кредитныхъ т-въ по лошадямъ и сопоставивъ ихъ съ соотвѣтственными группировками всѣхъ крестьянъ по военно-конскимъ переписямъ 1905 г., получаемъ, что на 100 всѣхъ крестьянъ въ каждой группѣ приходилось членовъ кредитныхъ товариществъ.

		Принимая % двулошадныхъ дворовъ за 100
Среди безлошадныхъ дворовъ	11,3%	47
Съ 1 лошадью	17,8%	73
Съ 2 „	24,2%	100
Съ 3—4	19,7%	81
„ 5 и болѣе	16,8%	69

Максимумъ участниковъ кредитныхъ товариществъ находится въ средней группѣ—двулошадныхъ дворовъ. Безлошадные принимаютъ участіе въ кооперативномъ кредитѣ относительно въ 2¼ раза слабѣе, чѣмъ двулошадные, очевидно потому, что они *менѣе другихъ кредитоспособны*. Многолошадные также сравнительно мало пользуются кооперативами, но по противоположной причинѣ—какъ болѣе зажиточные, они менѣе нуждаются въ кредитѣ. Впрочемъ, по статьѣ г. Красильникова „Кооперативная среда“, помѣщенной въ № 8-омъ „Вѣстника Кооперації“, въ которой дается группировка членовъ т-въ по болѣе точному экономическому признаку—посѣвамъ, оказывается, что верхнія группы принимаютъ наибольшее участіе въ кооперативахъ (въ Уфимской губ.).

Изъ 100 дворовъ было

	У всѣхъ крестьянъ	У членовъ тов-въ.	% отношеніе чиселъ второй графы къ первой.
Безпосѣвныхъ	10	5	50
Сѣющихъ до 2-хъ дес. . .	21	12	57
„ отъ 2 до 4 дес.	23	23	100
„ отъ 4—10 дес.	33	41	124
„ свыше 10 дес.	13	19	146

Но основное мое положеніе—что низшія экономическія группы входятъ въ составъ кооперативовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ остальныя группы—вполнѣ подтверждается цифрами г. Красильникова. О преобладающемъ участіи среднихъ слоевъ и о ничтожномъ—низшихъ говоритъ и г. Мухинъ. (Данныя по Черниговской губ. см. статью „Къ вопросу о соціальномъ значеніи кооперації“. Вѣстникъ Кооперації 1913 г. № 1).

Если пользованіе кооперативнымъ кредитомъ затруднено для низшихъ слоевъ крестьянъ, то въ организаціи сбыта они совсѣмъ не нуждаются, просто потому, что имъ нечего сбывать. Незачѣмъ и не на что имъ, при ничтожныхъ надѣлахъ, и покупать усовершенствованныя орудія, сѣмена, удобреніе. Въ статьѣ г. Вагилевича (въ № 7 агрономическаго журнала) излагаются результаты многолѣтней регистрації покупателей Херсонскаго уѣзднаго земскаго склада по посѣвнымъ группамъ, изъ которой видно, что крестьяне, засѣвающіе

менѣе 10 дес., не только составляютъ ничтожное меньшинство въ общемъ числѣ покупателей (10—17%), но, съ теченіемъ времени, число ихъ все болѣе сокращается: въ 1904—8 г.г. они составляли 16,4% всѣхъ покупателей, въ 1912 г.—10,4%. Какъ разъ въ то время, какъ крестьянское хозяйство всей массой переходитъ на высшую ступень сельскохозяйственной культуры, когда растетъ у крестьянъ нужда въ пріобрѣтеніи улучшенныхъ средствъ производства, и обороты с. хозяйственныхъ складовъ увеличиваются въ геометрической прогрессіи—низшія группы крестьянъ теряютъ возможность примкнуть къ этому всеобщему подъему. Они теряютъ ее не только потому, что у нихъ нѣтъ для этого покупательныхъ средствъ и кредитоспособность ихъ низка, но и потому, что ничтожные размѣры ихъ хозяйственной площади, плохое качество живого и мертваго инвентаря, некультурность и низкая трудоспособность наличныхъ рабочихъ силъ—являются непреодолимыми препятствіями для интенсификаціи. Рабочихъ рукъ и инвентаря у нихъ много—слишкомъ много для такихъ ничтожныхъ клочковъ земли, которые они обрабатываютъ, но все это—второго и третьяго сорта: работники—женщины, старики, подростки—взрослые мужчины уходятъ почти всѣ на сторонніе заработки; лошади и коровы „тасканской“ породы; сохи и бороны—сколоченныя деревянными гвоздями, перевязанныя веревками—тѣ самыя, которыми ихъ предки ковыряли землю тысячу лѣтъ назадъ. Они болѣе другихъ страдаютъ отъ мелкополосицы и дальноземелья, такъ какъ у многоземельнаго мужика полосы въ нѣсколько разъ шире, обрабатывать ихъ можно вдоль и поперекъ, а на узкихъ полосахъ у малоземельныхъ больше земли пропадаетъ подъ межниками, онѣ легче засариваются, поперечная вспашка невозможна. Малоземельный тратитъ на переѣзды съ полосы на полосу одинаковое время съ многоземельнымъ, но собираетъ продуктовъ гораздо меньше этого послѣдняго, т. е. непроизводительныя траты на переѣзды, возникающія, благодаря черезполосицѣ и дальноземелью, у малоземельныхъ, на единицу продукта, выше въ нѣсколько разъ.

Теперь быстрыми шагами идетъ впередъ *землеустройство*—нарѣзка изолированныхъ хуторовъ и сверстка раскиданныхъ полосъ въ отруба. Казалось бы—вотъ способъ покончить со зломъ черезполосицы и дальноземелья, одинаково доступный всѣмъ. Однако, малоземельные, по всей Россіи, являются злѣйшими врагами землеустройства,—они смотрятъ на разверстаніе черезполосицы и общность угодій, какъ на свою погибель. И даже офиціальные проповѣдники землеустройства, какъ А. А.

Кофодъ, вполнѣ согласны съ ними. „Самое серьезное препятствіе распространенію хуторского хозяйства“, говоритъ онъ въ своей книгѣ „Борьба съ черезполосицей“, „встрѣтится, несомнѣнно, со стороны малоземелья... Недаромъ во всѣхъ раіонахъ разселенія въ Россіи говорятъ, что переходъ къ хуторскому хозяйству *не помогаетъ малоземельнымъ*.. Недаромъ законодательства скандинавскихъ странъ, поощряя разселеніе, позаботились о предоставленіи возможности малоземельнымъ оставаться въ селеніяхъ. Само собой разумѣется, что живущему на хуторахъ труднѣе находить посторонніе заработки, чѣмъ живущему въ селеніяхъ, гдѣ всѣ въ сборѣ. Слѣдовательно, при извѣстной нуждѣ въ сторонніхъ заработкахъ, иначе говоря, при извѣстной малоземельности, убытки, вытекающіе отъ выселенія изъ деревни, должны превышать выгоду отъ перехода къ хуторскому хозяйству“ (Изд. 2, стр. 115).

Что малоземельные вынуждены сплошь прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ—это общеизвѣстно. Но, кромѣ этого препятствія для ихъ землеустройства, имѣется другое, еще болѣе важное. Сравнительно съ площадью своего полевого надѣла, малоземельные имѣютъ, обычно, много скота, который кормится на *общихъ* пастбищахъ всего села, гоняется по общимъ парамъ и жнитву. Когда общія поля и пастбища разрѣзаются на единоличные участки—малоземельные не въ состояніи прокормить свою скотину на тѣхъ клочкахъ, какіе достанутся имъ на долю и вынуждаются продать ее или зарѣзать; а такъ какъ скотоводство въ ихъ бюджетѣ играетъ значительную роль, то сокращеніе скота легко можетъ повести ихъ къ невозможности дальнѣйшаго веденія земледѣльческаго хозяйства.

Вопросъ о значеніи малоземелья, какъ тормаза для интенсификаціи, дебатировался на кіевскомъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ и продолжаетъ сейчасъ обсуждаться на страницахъ сельскохозяйственной печати. Я увѣренъ, что скоро онъ появится и въ общей печати, ибо это—кардинальный вопросъ происходящаго въ настоящій моментъ аграрнаго переворота. На Кіевскомъ съѣздѣ указывали, что для малоземельныхъ имѣется выходъ въ видѣ перехода къ наиболѣе совершеннымъ системамъ сельскаго хозяйства: на югѣ Германіи, дескать, на 1—2 десятинахъ благоденствуютъ семьи изъ 6 душъ, почему бы и у насъ не процвѣтать имъ на такой же площади? Я уже отвѣтилъ въ печати на этотъ вопросъ („Завѣты“ № 12, „Вѣстн. Евр.“ № 9, „Земск. Дѣло“ № 21), что въ Россіи высоко-культурныя парцельныя хозяйства

въ массѣ невозможны, прежде всего, вслѣдствіе слабаго еще развитія мѣстнаго рынка, на который въ Западной Европѣ эти хозяйства поставляютъ свои мало транспортабельные товары (продукты огородничества, скотоводства, садоводства и т. д.). Даже въ Германіи, гдѣ населеніе живетъ въ городахъ, только 28% хозяйствъ, имѣющихъ площадь до 2-хъ гектаровъ, считаютъ сельское хозяйство своей главной профессіей: 72%—почти три четверти существуютъ преимущественно сторонними заработками. 26% площади лежитъ у нихъ подъ лѣсами и пустырями, а подъ садами, огородами, виноградниками и вообще подъ высоко-интенсивными культурами—только 13%. Стало быть, если въ Германіи малоземельныя хозяйства въ массѣ не могутъ прожить высоко-интенсивной культурой, то у насъ, гдѣ городской рынокъ относительно вчетверо меньшей емкости, количество такихъ хозяевъ, которые бы могли прокормиться возлѣ этого рынка, упадаетъ до микроскопическихъ размѣровъ.

Если нѣтъ вблизи рынка сбыта, малоземельные не въ состояніи поднять свое хозяйство выше того уровня, на которомъ оно стоитъ въ данной странѣ, въ данномъ раіонѣ. Въ каждомъ раіонѣ, въ зависимости отъ цѣлаго ряда природныхъ, экономическихъ и соціальныхъ условій, подавляющее большинство земледѣльцевъ ведетъ болѣе или менѣе *однотипичное* хозяйство, по однородной системѣ и опережаютъ эту систему только выдающіяся единицы. Малоземельнымъ же, чтобы прокормиться со своей площади, нужно удвоить ея производительность: напримѣръ, если въ данной мѣстности, средняя семья прокармливается на 10 десятинахъ, при трехпольи и урожаѣ въ 50 пудовъ съ десятины, то малоземельные, чтобы прокормиться на 5 десятинахъ, должны поднять свой урожай до 100 пудовъ, что возможно лишь при плодосмѣнномъ сѣвооборотѣ, требующемъ соотвѣтственной техники обработки, рынка, культурности населенія и т. п. общихъ условій. Плодосмѣнъ воцарится у насъ не раньше, чѣмъ черезъ нѣсколько десятилѣтій: ожидать, чтобы малоземельные были способны перескочить черезъ эти десятилѣтія,—впереди другихъ,—нѣтъ никакихъ основаній: скорѣе надо ждать обратнаго—отсталости малоземельныхъ отъ общаго подъема.

Итакъ, ни кооперація, ни общественная агрономія, ни землеустройство, сами по себѣ, не могутъ помочь малоземельнымъ: единственный способъ, которымъ возможно ихъ поддержать — *расширеніе ихъ землевладѣнія* или землепользованія тѣмъ или инымъ путемъ.

II.

Обезземеленіе крестьянъ при землеустройствѣ и мобилизація надѣловъ.

Интенсификація сильно обостряетъ полузабытый на время вопросъ о крестьянскомъ малоземельи; землеустроительная дѣятельность правительства ставитъ ребромъ вопросъ объ окончательномъ *обезземеленіи* приростающаго избытка земледѣльческаго населенія.

Существовавшія до сихъ поръ *деревенскія* формы землепользованія — общинная и подворно-черезполосная, заключая въ себѣ много отрицательныхъ сторонъ съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, имѣли большое соціально - экономическое значеніе, предохраняя приростъ крестьянскаго населенія, не находившій себѣ выхода въ городахъ, въ Сибири и т. д.—отъ окончательнаго обезземеленія. Хуторская и отрубная формы землепользованія отличаются отъ черезполосной тѣмъ, что онѣ *почти недробимы*, и это ихъ свойство, несомнѣнно, усилитъ обезземеленіе семей, образующихся вслѣдствіе естественнаго прироста.

Поясникъ это положеніе конкретнымъ примѣромъ: положимъ, семья общинника, состоящая изъ взрослаго хозяина и двухъ сыновей-подростковъ, имѣетъ 10 десятинъ надѣла. Черезъ нѣсколько лѣтъ сыновья выростаютъ, женятся, у нихъ появляются дѣти—старикъ отецъ умираетъ, братья-мужики начинаютъ подумывать о семейномъ раздѣлѣ. Благодаря уравнительнымъ передѣламъ, семья, состоявшая раньше изъ 5 душъ, теперь изъ 8, увеличила свое землевладѣніе за это время съ 10 дес., скажемъ, до 15 дес. При семейномъ раздѣлѣ, каждая новая семья изъ 4 душъ получитъ по $7^1/_2$ дес. Въ общинѣ, благодаря передѣламъ, общимъ и частнымъ, сохраняется извѣстная *пропорціональность* между количествомъ душъ въ семьѣ и размѣрами надѣловъ. Уровень земельной обезпеченности семьи каждаго члена общины понижается не сразу, а постепенно, соотвѣтственно общему приросту населенія въ общинѣ и, до нѣкоторой степени, компенсируется развитіемъ производительности земли, т. е. подъемомъ урожайности, происходящимъ у насъ хотя и медленно, но систематически. Въ идеалѣ, въ общинѣ должна всегда наблюдаться строгая пропорціональность между размѣрами семей и величиной ихъ земельнаго надѣла; фактически, отъ этого правила наблюдаются извѣстныя, хотя и не столь значительныя уклоненія. При расчетѣ на ѣдока, въ верхнихъ слояхъ де-

ревни оказывается въ 2, 3, 4 раза больше земли, чѣмъ въ нижнихъ, тогда какъ, при расчетѣ на дворъ, верхніе слои превышаютъ нижніе по земельной обезпеченности, въ десятки разъ.

Приблизительно, такая же пропорціональность существуетъ и въ подворно-черезполосной деревнѣ. Чѣмъ больше душъ въ семьѣ, тѣмъ больше у нея земли и наоборотъ: очевидно и тутъ, посредствомъ ли купли-продажи, или благодаря переходамъ по наслѣдству мелкихъ полосокъ, каждая семья увеличиваетъ свой земельный надѣлъ, по мѣрѣ возрастанія ея численности. Благодаря этому, при семейномъ раздѣлѣ, выдѣлившіяся семьи оказываются обезпеченными землей, приблизительно, въ соотвѣтствіи со своимъ семейнымъ составомъ. Проф. Ясно-польскій прослѣдилъ исторію землевладѣнія крестьянъ за 40 лѣтъ въ одной деревнѣ Полтавской губ. Онъ установилъ, что каждое отдѣльное хозяйство, возрастая въ своемъ семейномъ составѣ, старается расширить свое землевладѣніе. „Съ переходомъ къ новому поколѣнію, сразу все падаетъ: переполняются низшіе разряды, а хозяйства выбившіяся наверхъ—всѣ исчезаютъ. Но снова начинается Сизифова работа: опять низшія группы карабкаются наверхъ, снова возникаютъ болѣе зажиточныя хозяйства, чтобы снова низвергнуться внизъ, можетъ быть, еще глубже, съ переходомъ къ новому поколѣнію".

Въ общемъ, и въ подворно-черезполосной и въ общинной деревнѣ группировки крестьянъ по размѣрамъ надѣловъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, близки другъ къ другу. Это понятно: формы землепользованія въ той и другой, по существу, одинаковы — тѣ же три большихъ общихъ поля, раздѣленныхъ на столбы или ярусы, тѣ же полосы въ каждомъ столбу, которыя очень легко продать, передать по наслѣдству или пріобрѣсти.

Такимъ образомъ, и въ старой подворной и въ общинной деревнѣ, благодаря *гибкости* черезполосной формы землепользованія, нарастающее избыточное населеніе незамѣтно всасывается массой, причемъ уровень земельной обезпеченности понижается, въ большинствѣ случаевъ, не сразу, а *постепенно*, въ значительной степени пропорціонально количеству населенія и земли въ данной мѣстности.

Совершенно иное несетъ съ собой новая формація земельнаго строя — крестьянскій хуторъ или отрубъ. Хуторъ представляетъ изъ себя такой же цѣльный хозяйственный организмъ, какъ фабрика, или мастерская: раздробить его—значитъ уничтожить единое сельскохозяйственное предпріятіе. Хуторъ размѣровъ средняго крестьянскаго

хозяйства безусловно недѣлимъ, хуторъ крупныхъ размѣровъ еще можетъ быть дѣлимымъ, но, опять таки, до извѣстныхъ предѣловъ и, въ зависимости отъ расположенія угодій. Отрубъ болѣе гибокъ: но дѣленіе его обозначаетъ возвратъ къ прежней черезполосицѣ — исчезаетъ его *хозяйственное значеніе*, столь важное при переходѣ къ интенсификаціи. Вотъ почему, вопросъ о приростѣ населенія и о правѣ наслѣдованія настолько обостряется съ развитіемъ хуторской и отрубной системъ землепользованія, что даже правительство должно было выдвинуть противъ него свой радикальный проектъ о предѣлахъ дробимости, основанный на принципѣ единонаслѣдія. Этотъ законопроектъ обнаруживаетъ опасность, грозящую каждой отдѣльной хозяйственной единицѣ, которая обладаетъ участкомъ, потерявшимъ способность къ *частичной дробимости*, присущую черезполосной формѣ землепользованія. Хуторъ и отрубъ могутъ переходить изъ рукъ въ руки только цѣликомъ, а не частями; ни прирастать, ни сокращаться по кусочкамъ, соотвѣтственно семейному составу, подобно черезполосному земельному надѣлу они не способны. Поэтому — пройдетъ или не пройдетъ въ жизнь правительственный законопроектъ о предѣльной дробимости хуторовъ и отрубовъ, несомнѣнно, что возникновеніе этой новой формы землепользованія, само по себѣ увеличитъ количество обезземеленныхъ семей, такъ какъ владѣльцы хуторовъ и отрубовъ изъ чувства самосохраненія, зачастую, сами не допустятъ раздѣла земли въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ поведетъ къ упадку ихъ хозяйства.

Въ общемъ итогѣ, оба главнѣйшихъ фактора современной аграрной эволюціи—интенсификація и правительственное землеустройство, въ одинаковой мѣрѣ, обостряютъ вопросъ о крестьянскомъ малоземельи и избыточномъ населеніи деревни. До сихъ поръ, это обостреніе не ощущалось, во 1-хъ, потому, что самый процессъ разверстанія на хутора и отруба лишь за три послѣдніе года принялъ широкіе размѣры, во 2-хъ, потому, что все обезземеливаемое и значительная часть малоземельнаго населенія находили себѣ выходъ въ городахъ, въ Сибири, въ покупкѣ частновладѣльческихъ земель, расширившейся до небывалыхъ размѣровъ съ 1906 г. Достаточно сказать, что за $7^1/_2$ послѣднихъ лѣтъ перешло къ крестьянамъ только черезъ Крестьянскій Банкъ—8,2 милліона десятинъ—столько же, сколько за 23 предыдущихъ года, что въ Сибирь за 1906 — 10 г.г. переселилось болѣе 2-хъ милліоновъ душъ, т. е. больше того количества, какое перевалило за Уралъ въ теченіе 45 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ. Наконецъ, надѣльныхъ

земель изъ рукъ въ руки перешло уже свыше 2 милл. дес., причемъ, какъ увидимъ дальше, большинство продавцовъ совсѣмъ ушло изъ деревни. Въ общемъ итогѣ, за 7 лѣтъ полтора милліона, главнымъ образомъ, безземельныхъ и малоземельныхъ семей увеличили свое землевладѣніе болѣе, чѣмъ на 30 милліоновъ десятинъ (въ томъ числѣ на 20 милл.—въ Сибири).

Однако, и въ настоящій моментъ, мы наблюдаемъ одно явленіе, по которому мы можемъ судить о ближайшихъ послѣдствіяхъ двухъ указанныхъ факторовъ. Явленіе это—*мобилизація надѣльныхъ земель*, растущая съ каждымъ годомъ.

	Число продавцовъ.	Число дес. проданной земли.	На 1 дворъ продано дес.
Съ 1907 г. по 1 марта 1910 . . .	129.000	640.000	4,96
„ 1 января 1910 г. по 1 января 1911 г.	116.000	367.100	3,16
За весь 1911 г.	140.400	507.000	3,61
„ „ 1912 г.	195.600	639.300	3,27
Всего . .	581.000	2.153.400	3,71

Это — офиціальныя свѣдѣнія, провѣренныя по нотаріальнымъ даннымъ: но многіе крестьяне продаютъ землю помимо нотаріусовъ и даже волостныхъ правленій (по Харьковской земской анкетѣ по домашнимъ записямъ производилось 34% продажъ), такъ что дѣйствительныя цифры мобилизаціи, вѣроятно, значительно выше приведенныхъ. Каковъ ростъ мобилизаціи—можно судить по тому, что въ 1907 г. по только что вышедшей въ свѣтъ „статистикѣ движенія землевладѣнія“ было произведено всего 5.000 продажъ на 26.000 дес., а въ 1912 г.—уже 196.000 продажъ на 639.000 дес. — увеличеніе въ 25 — 30 разъ. Такъ какъ въ 70—80% случаевъ крестьяне продаютъ весь надѣлъ, то изъ приведенной таблички мы можемъ заключить, что подавляющее большинство продавцовъ принадлежитъ къ *малоземельнымъ* слоямъ деревни. Почему малоземельные продаютъ свою землю — это мы знаемъ изъ офиціальной анкеты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по 5 губерніямъ и изъ двухъ земскихъ анкетъ по Симбирской и Новгородской губ.

	По официальнымъ даннымъ 5 губ.	По земскимъ даннымъ Симбирская губ.	Новгородская губ.
Не занимались земледѣліемъ и перешли отъ земледѣлія къ другимъ промысламъ	39,8	32,0	24,7
Переселились въ Сибирь	14,3	17,0	2,7
Переѣхали на купчую землю и на хутора .	5,5	2,0	12,2
Вслѣдствіе неурожаевъ	1,8		
По нуждѣ	17,0	14,0	14,2
Отъ пьянства и расточительности	3,4	11,0	
По болѣзни, старости, одиночеству, неработоспособности	9,0	31,0	Одинокіе бобыли. 17,1 Недостатокъ рабоч. рукъ. 29,1
По другимъ причинамъ (главнымъ образомъ для улучшенія хозяйства)	9,2	1,0	

Больше всего среди продавцовъ—крестьянъ-промышленниковъ, давно уже разставшихся съ земледѣліемъ. Эта группа, сдававшая въ общинѣ свою землю въ аренду, спѣшитъ теперь воспользоваться удобнымъ случаемъ пріобрѣтенія нѣсколькихъ сотъ рублей. По земскимъ матеріаламъ эту группу, впрочемъ, превосходятъ, по численности, упалыя, неработоспособныя семьи, также рѣдко занимавшіяся сами земледѣліемъ. Суммируя эти двѣ группы, получаемъ, что отъ 50 до 70% продавцовъ не были самостоятельными земледѣльцами.

Среди остальныхъ—15—20% составляютъ переселенцы, сплошь продающіе свои надѣлы; одинаковой съ ними группой по размѣрамъ являются крестьяне, продающіе землю вслѣдствіе неурожаевъ и другихъ случайныхъ бѣдствій—падежа скота, пожаровъ и т. д., выбивающихъ ихъ изъ колеи и превращающихъ, послѣ продажи надѣла въ чистыхъ пролетаріевъ. Группы переселенцевъ и продавцовъ, обѣднѣвшихъ отъ неурожая, на таблицѣ представлены слабѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Переселеніе играетъ въ губерніяхъ, захваченныхъ анкетами, гораздо меньшую роль, чѣмъ во многихъ другихъ, и анкеты производились въ урожайные годы. Какое вліяніе будутъ имѣть неурожаи на мобилизацію надѣловъ, можно судить по тому, что въ Самарскомъ уѣздѣ, во вторую половину 1911 неурожайнаго года было распродано 33% всего количества надѣловъ, проданныхъ за $4\frac{1}{2}$ предыдущихъ года съ изданія указа 9 ноября.

Оставляя въ сторонѣ остальныя группы, остановимся на переселенцахъ и крестьянахъ, обезземеливаемыхъ, благодаря случайнымъ бѣдствіямъ. Эта категорія продавцовъ—чистыхъ земледѣльцевъ, которая, какъ видно изъ предыдущаго, повидимому, будетъ расти, такъ какъ многіе изъ малоземельныхъ не выдерживаютъ требованій, предъявляемыхъ къ интенсивирующемуся земледѣльческому хозяйству. Ряды переселенцевъ и, вообще, выходцевъ съ родины пополнятся обезземеливаемыми сонаслѣдниками хуторовъ и отрубовъ. Куда они дѣнутся? Если первая категорія крестьянъ-промышленниковъ уходитъ въ города, а упалыя семьи бобылей, бобылекъ и проч. пристраиваются, кто какъ можетъ, то этимъ семьямъ настоящихъ хлѣборобовъ съ здоровыми рабочими руками, благодаря малой, относительно, емкости нашей индустріи, нѣтъ другого исхода, какъ только найти себѣ землю съ количествомъ, достаточнымъ для новаго самостоятельнаго хозяйства. А между тѣмъ, два главныхъ источника пріобрѣтенія земли для малоземельныхъ и обезземеленныхъ крестьянъ—переселеніе и мобилизація частновладѣльческихъ земель, такъ расширившіяся послѣ 1905 г., теперь снова начинаютъ изсякать и истощеніе ихъ, какъ можно предположить по многимъ соображеніямъ представляетъ не случайное и временное явленіе, а зависитъ отъ болѣе или менѣе устойчивыхъ факторовъ.

Что касается до переселенія, то съ 1910 г. оно начало падать, въ 1911 г. спустилось ниже 200 тыс.,—теперь снова подымается, при чемъ происходитъ любопытное явленіе: количество самихъ переселенцевъ увеличивается сравнительно медленно, но число *ходоковъ*, отыскивающихъ землю для своихъ довѣрителей, увеличилось почти втрое. Этотъ фактъ показываетъ, что потребность въ переселеніи у крестьянъ опять очень замѣтно усилилась, но удовлетворить эту потребность для нихъ становится все труднѣе, т. к. во многихъ районахъ Азіатской Россіи удобный колонизаціонный фондъ *близокъ къ истощенію*. Въ двухъ западныхъ областяхъ—въ западной Сибири и въ киргизскихъ степяхъ все, что осталось, пущено въ аренду, а затѣмъ пойдетъ въ продажу—на эти области, привлекавшія до сихъ поръ большинство переселенцевъ, маломочный бѣднякъ не можетъ разсчитывать. Въ трехъ восточныхъ—въ Восточной Сибири, на Дальнемъ Востокѣ и въ Туркестанѣ—земель сколько угодно, но подавляющее ихъ большинство не пригодно для сельскаго хозяйства безъ крупныхъ, дорого стоящихъ, мелioрацій. При такихъ условіяхъ, нельзя сомнѣваться, что колонизація Азіи никогда уже не дойдетъ до такихъ цифръ, какъ 700 тыс. (1908 г.) и, вѣроятно,

не будетъ превышать 250—300 тысячъ, тогда какъ одинъ естественный приростъ сельскаго населенія Европейской Россіи составляетъ 1.700.000 душъ.

Мобилизація частновладѣльческихъ земель также пошла на пониженіе. Черезъ Крестьянскій Банкъ было продано

Въ 1910 г.	1.550.000	дес.
„ 1911 „	1.439.000	„
„ 1912 „	943.000	„
Первые 6 мѣс. 1913 г.	458.000	„

Отчасти, это паденіе покупокъ земель черезъ Банкъ вызывается тѣмъ, что самъ онъ почти распродалъ свои земельные запасы. Тѣ земли, что остались,—либо не годятся для сельскаго хозяйства безъ мелioраціи, либо сданы въ долгосрочную аренду, или представляютъ защитные лѣса, а милліонъ десятинъ, доступныхъ продажѣ, лежитъ преимущественно на юго-востокѣ въ многоземельныхъ районахъ. Но и помимо этого, крупно-помѣстные землевладѣльцы, съ одной стороны, благодаря повышенію доходности земледѣлія, съ другой—вслѣдствіе того, что неустойчивыя, обремененныя ипотечными долгами имѣнья, въ значительной части уже распроданы, должны, повидимому, систематически сокращать ликвидацію своихъ земель. На западѣ Европы крупныя имѣнія хотя также ликвидируются, но въ гораздо меньшей пропорціи, чѣмъ у насъ. Поэтому, возможно, что и у насъ, эпоха усиленной мобилизаціи частновладѣльческихъ земель смѣнится теперь болѣе спокойнымъ ея теченіемъ.

Итакъ, мы можемъ предвидѣть, съ одной стороны, *повышеніе спроса* на землю со стороны крестьянъ, вслѣдствіе ухудшенія положенія малоземельныхъ и увеличенія количества безземельныхъ, съ другой—*пониженіе предложенія* земель со стороны помѣщиковъ и истощеніе колонизаціоннаго фонда въ Азіатской Россіи. Это несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ вызываетъ необходимость въ *урегулированіи мобилизаціи* земель, въ направленіи ея въ сторону тѣхъ слоевъ, которые болѣе другихъ нуждаются въ землѣ.

III.

Регулированіе мобилизаціи и аренды земель при посредствѣ кооперативовъ.

Въ настоящее время, процессъ перераспредѣленія земли между различными категоріями сельскохозяйственнаго населенія—помѣщиками, крестьянами и внутри каждой категоріи землевладѣльцевъ, или регули-

руется правительственными—ипотечными и другими учрежденіями, или не регулируется никѣмъ. Правительство распредѣляетъ, по своему усмотрѣнію, казенныя земли на окраинахъ, раздавая ихъ теперь не только крестьянамъ, но и крупнымъ владѣльцамъ „культурнымъ скотоводамъ"; оно взяло въ свои руки мобилизацію значительной части частновладѣльческихъ земель, поскольку эти послѣднія связаны съ крестьянскими пріобрѣтеніями и проводитъ, при ея посредствѣ, свою землеустроительную политику. Но продажа имѣній помимо крестьянскаго Банка, аренда, играющая, до сихъ поръ, огромную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ и мобилизація надѣльныхъ земель, растущая съ каждымъ годомъ, происходятъ стихійно, въ зависимости не только отъ условій спроса и предложенія, но и отъ случайной наличности или отсутствія покупательныхъ средствъ у населенія. Продавцы надѣловъ—малоземельные крестьяне—промышленники или переселенцы, или обѣднѣвшіе, опустившіеся хозяева, или безхозяйственные бобыли—всѣ требуютъ наличныхъ денегъ; продавцы имѣній—оскудѣлые дворяне также не могутъ ждать. Для того, чтобы тѣ покупатели, которые наиболѣе нуждаются въ землѣ—кадры малоземельныхъ и обезземеленныхъ „великой реформой" крестьянъ получили возможность пріобрѣсти себѣ съ землей болѣе или менѣе сносное существованіе, чтобы тѣ продавцы, которые разстаются съ надѣлами въ силу безысходной нужды, могли сохранить ихъ за собой, требуется организація близкаго къ населенію *поземельнаго кредита*. Что нужда въ немъ растетъ съ каждымъ годомъ—ясно видно изъ слѣдующей таблицы ссудъ, выданныхъ кредитными кооперативами.

	Абсолютно (въ тысячахъ р.). Выдано ссудъ.			Относительно. Принимая ссуды 1905 г. за 100.		
	На покупку земли.	На аренду земли.	Общая сумма всѣхъ ссудъ, выданныхъ кредитными кооперативами.	На покупку земли.	На аренду.	Общая сумма всѣхъ ссудъ.
Годы.	(Гр. I)	(II)	(III)	(IV)	(V)	(VI)
1905	283	1051	6528	100	100	100
1906	313	1664	10516	111	158	161
1907	792	1204	17176	277	155	263
1908	1853	5344	30409	662	508	466
1909	3723	12574	56998	1316	1198	873
1910	6904	21023	97484	2472	2000	1493

Чтобы сдѣлать еще нагляднѣе ростъ ссудъ по земельному кредиту (включая въ него и ссуды на аренду), продѣлаемъ такую статистическую комбинацію: раздѣлимъ цифры IV и V графъ на цифры VI, принимая ихъ за 100, благодаря чему, мы сможемъ сопоставить степень возрастанія ссудъ на покупку и аренду, сравнительно со степенью общаго роста всѣхъ ссудъ въ кредитныхъ кооперативахъ.

	Относительный ростъ ссудъ.	
Годы.	На покупку.	Аренду.
1905	100	100
1906	68	98
1907	105	44
1908	142	109
1909	151	137
1910	166	134

Эта несложная комбинація дала намъ возможность уловить *темпъ* развитія ипотечныхъ операцій въ кооперативахъ съ 1905 г. На послѣдней табличкѣ мы наблюдаемъ, что въ 1906 — 7 гг., сравнительно съ общимъ ростомъ ссудъ, поземельныя ссуды упали до 44% и 68%.

Причина этого паденія общеизвѣстна: аграрныя волненія, упованія на даровую прирѣзку земли, крестьянскія забастовки, которыми было достигнуто временное, но рѣзкое пониженіе арендной платы.

Но миновали годы волненій, народныя упованія разбились о грозную дѣйствительность—оживилась мобилизація земель и арендныя цѣны снова стали быстро расти.

Это усилило потребность въ поземельномъ кредитѣ и, несмотря на неприспособленность кредитныхъ кооперативовъ къ *долгосрочнымъ* операціямъ, каковыя требуются этимъ видомъ кредита, къ 1910 г. ссуды на покупку земли возросли на 61%, на аренду—на 34%, сравнительно съ общимъ возрастаніемъ ссуднаго кредита въ его цѣломъ. Конечно, этотъ ростъ ничтоженъ, если его сопоставить съ наличной потребностью земледѣльцевъ.

Въ 1910 г. кредитныя т-ва выдали около 7 милліоновъ на покупку, 21 милліонъ на аренду. Между тѣмъ въ 1912 г. однѣхъ надѣльныхъ земель было продано 640 тыс. дес. Средняя цѣна 1 дес. надѣльной земли къ концу 1909 г. равнялась 93 рублямъ—слѣдовательно, общая стоимость мобилизованнаго земельнаго фонда достигала,

minimum, 60 милліоновъ. Что касается до аренды, то въ 80—90-хъ гг. крестьяне арендовали, по наиболѣе точнымъ подсчетамъ Дядиченко и Чермака, 25 милліоновъ дес. однѣхъ пашень и сѣнокосовъ.

Теперь, въ нѣкоторыхъ районахъ, гдѣ много земли перешло отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, они арендуютъ меньше, въ другихъ—арендуемая площадь возрасла—общій итогъ аренды по всей Россіи, вѣроятно, мало измѣнился; но арендныя цѣны выросли въ нѣсколько разъ, такъ что итоговая сумма выплачиваемой крестьянами ежегодной аренды составитъ теперь не менѣе, а, вѣроятно, болѣе 200—250 милліоновъ рублей.

Отсюда видно, что кредитные кооперативы въ 1910 г. снабжали крестьянъ не болѣе 10%-тной суммы, которая имъ нужна для ихъ земельныхъ операцій.

Отсутствіе близкаго къ крестьянскому населенію земельнаго кредита приводитъ къ тому, что перераспредѣленіе вошедшаго въ товарный оборотъ земельнаго фонда (продажнаго и арендnаго) не всегда идетъ въ томъ направленіи, какое требуется интересами народнаго хозяйства. Въ народно-хозяйственныхъ интересахъ нельзя допускать, чтобы земля уходила изъ рукъ коренныхъ землеробовъ и попадала въ руки разныхъ земельныхъ спекуляторовъ.

Къ счастью для Россіи, такой процессъ мобилизаціи надѣловъ не составляетъ, повидимому, всеобщаго явленія: но въ тѣхъ районахъ, гдѣ сразу огромное количество (до половины) крестьянъ укрѣпило свои надѣлы и гдѣ были неурожаи—именно на юго-востокѣ,—тамъ, даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, происходила положительно вакханалія спекулятивной скупки надѣловъ. Такъ, въ Ставропольской губ., купили:

До 5	десятинъ . . .	22,7%	всѣхъ покупателей.
5 — 15	„ . . .	33,3	„ „
15 — 30	„ . . .	20,6	„ „
30 — 50	„ . . .	15,0	„ „
50 —100	„ . . .	7,1	„ „
100 —500	„ . . .	1,2	„ „
500—1000	„ . . .	0,1	„ „

На развалинахъ мірского землевладѣнія сразу выросли цѣлыя помѣстья новоявленныхъ господъ изъ разныхъ лавочниковъ, псаломщиковъ, деревенскихъ адвокатовъ въ 100, 200, 500 и 1000 дес. Тоже проис-

ходило и въ Самарской губ., гдѣ 142 покупщика пріобрѣли до 100 дес. каждый, 102—до 500 и двое—около тысячи. Такая вакханалія скупки при массовомъ неурожаѣ, послѣ разрушенія общины—будетъ вѣроятно распространеннымъ явленіемъ, если организованный ипотечный кредитъ не положитъ ему конецъ.

Въ отношеніяхъ *аренды* отсутствіе правильно организованнаго кредита всегда давало себя чувствовать особенно остро.

Аренда выросла на почвѣ земельной нужды и превратилась въ наиболѣе тяжелую для крестьянъ форму, такъ называемой „голодной", „продовольственной", къ которой крестьяне вынуждаются сильнѣйшимъ стимуломъ трудящагося человѣчества— голодомъ.

Вслѣдствіе этого, арендная плата настолько высока, что не окупаетъ расходовъ и затратъ труда и крестьяне арендуютъ себѣ въ убытокъ.

Кромѣ того, въ силу отсутствія покупательныхъ средствъ у крестьянъ, срокъ аренды, обычно *годичный*, что ведетъ къ невозможности какихъ-либо хозяйственныхъ улучшеній.

Крестьяне не вкладываютъ въ орендуемую землю ничего, земля тощаетъ, сами арендаторы бѣднѣютъ и такое ненормальное положеніе вредно отзывается на общемъ развитіи производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ страны.

Раціонально поставленный на общественныхъ началахъ кредитъ далъ бы возможность крестьянамъ перейти съ краткосрочной на долгосрочную аренду, что значительно понизитъ стоимость аренды и позволитъ крестьянамъ улучшить качественно обработку земли.

Кромѣ кредита, въ данномъ случаѣ, конечно, необходимо еще *законодательство* объ арендѣ, до сихъ поръ у насъ совершенно неразработанное.

Необходима также и организація арендныхъ *товариществъ*, получившая сейчасъ широкое распространеніе въ континентахъ Европы и Америки.

Вотъ главнѣйшія основанія, по которымъ мы считаемъ не только неизбѣжной. но и желательной организацію доступнаго земледѣльческимъ массамъ, близкаго къ населенію и дешеваго поземельнаго кредита.

Такой кредитъ а) предохранитъ отъ потери земли тѣхъ малоземельныхъ крестьянъ, которые, въ силу неустойчивости своего эконо-

мическаго положенія, подъ вліяніемъ временной нужды и бѣдствій продаютъ свои надѣлы, б) сохранить надѣлы за переселенцами до тѣхъ поръ, пока они устроятся окончательно на новыхъ мѣстахъ, в) поможетъ малоземельнымъ расширить ихъ землевладѣніе, по крайней мѣрѣ, до потребительной нормы, что придастъ ихъ хозяйству устойчивость, необходимую для перехода къ интенсивному земледѣлію и г) откростъ выходъ на землю обезземеливаемымъ землеустройствомъ сонаслѣдникамъ хуторовъ и отрубовъ.

Что широкое развитіе ипотечныхъ операцій представляетъ первоочередную задачу настоящаго момента—видно не только изъ приведенныхъ цифръ быстраго возрастанія этихъ операцій въ кредитныхъ кооперативахъ, но и изъ факта обращенія 2-го Всероссійскаго Кооперативнаго Съѣзда, состоявшаго на $^3/_4$ изъ рядовыхъ деревенскихъ работниковъ, къ Чупровскому обществу съ просьбой разрѣшить вопросъ о залогѣ надѣльныхъ земель.

Не касаясь здѣсь этого вопроса, которому посвящается особая статья проф. А. Э. Вормса, я хочу лишь отмѣтить, что этотъ фактъ показываетъ, насколько осознана самой крестьянской массой потребность въ поземельномъ кредитѣ, для полученія котораго она готова даже идти на такую, до сихъ поръ, представлявшуюся не только намъ, но и правительству рискованной, операцію, какъ—залогъ надѣльныхъ земель.

Движеніе идетъ *снизу*, а не сверху, крестьяне сами требуютъ отъ насъ организаціи кредита, а не мы его имъ навязываемъ и противодѣйствовать этому движенію мнѣ представляется и невозможнымъ и нецѣлесообразнымъ.

Невозможнымъ потому, что оно вызывается охарактеризованнымъ выше хозяйственнымъ и землеустроительнымъ переворотомъ, нецѣлесообразнымъ—потому, что ипотечный кредитъ, разъ въ немъ ощущается такая острая массовая потребность, все равно, будетъ организованъ и помимо кооперативовъ, и въ организаціи его примутъ участіе стоящія дальше отъ народа, менѣе близкія его интересамъ, учрежденія правительства и блюдущія лишь свои собственныя выгоды, частно-капиталистическія предпріятія.

Въ докладѣ Х. А. Барановскаго на 2-мъ кооперативномъ съѣздѣ убѣдительно доказывалось, что правительственный органъ ипотечнаго кредита—Крестьянскій банкъ—неудобенъ и невыгоденъ для

крестьянъ, такъ какъ его отдѣленія находятся въ большихъ городахъ, далеко отъ деревни, полученіе кредита обставлено массой дорого стоящихъ формальностей, дѣлающихъ мелкія сдѣлки прямо убыточными, ходатайства о кредитѣ ждутъ удовлетворенія годами. Съ другой стороны, и самому банку трудно и хлопотно будетъ возиться съ мелкими сдѣлками по залогу и куплѣ-продажѣ разбросанныхъ клочковъ надѣльной земли—и мы видимъ, что операціи кредита подъ залогъ надѣловъ занимаютъ въ дѣятельности банка ничтожное мѣсто. За 6 мѣсяцевъ 1913 г. Банкъ выдалъ крестьянамъ, главнымъ образомъ, на покупку земли у переселенцевъ, всего 688.500 рублей—сумму, на которую можно пріобрѣсти всего 6—7 тысячъ десятинъ. Капиталистическія организаціи, можетъ быть, и оказались бы болѣе гибкими, болѣе приспособленными къ условіямъ крестьянской жизни, но мнѣ кажется излишнимъ доказывать, что удобства пользованія капиталистическимъ кредитомъ крестьяне оплатятъ слишкомъ дорогой цѣной.

Вотъ почему я расхожусь въ этомъ вопросѣ съ уважаемымъ С. Л. Масловымъ.

Въ своей статьѣ въ № 22 „Кооперативной Жизни“ (Кредитная кооперація и земельный вопросъ) авторъ приводитъ рядъ возраженій, направленныхъ, съ одной стороны, противъ участія существующихъ кредитныхъ кооперативовъ въ ипотечномъ кредитѣ, съ другой—вообще противъ участія какихъ-бы то ни было кооперацій въ земельномъ вопросѣ.

Въ первомъ случаѣ авторъ можетъ быть и правъ: можетъ быть, кредитнымъ кооперативамъ не подобаетъ смѣшивать разнородныя функціи краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита и для долгосрочнаго кредита нужны особыя учрежденія. Но это вопросъ, который слѣдуетъ обсуждать *независимо* отъ вопроса о роли кооперацiи въ мобилизаціи земель вообще. Для меня, какъ видно изъ предыдущаго, роль кооперацiи въ перераспредѣленіи земли между земледѣльческимъ населеніемъ представляется очень важной и съ возраженіями г. Маслова я, въ данномъ случаѣ, согласиться не могу.

Онъ указываетъ во 1-хъ, что правительство, ссужая деньгами кооперативы, потребуетъ отъ нихъ проведенія той-же землеустроительной политики, какую проводитъ оно само.

Я не совсѣмъ понимаю это возраженіе.

Если авторъ говоритъ объ устройствѣ хуторовъ и отрубовъ, то я думаю, что какъ сейчасъ землеустройствомъ вѣдаютъ ка-

зенные землемѣры и землеустроительныя коммиссіи, то такъ же будетъ и впредь—дѣло это кооперативовъ не коснется. Принципіально же я лично ничего не имѣю противъ раціонально постановленной *отрубной* системы, разъ только вопросъ объ удовлетвореніи избыточнаго прироста населенія землей будетъ рѣшенъ удовлетворительно. Не имѣютъ ничего противъ нея и крестьяне—лучшее доказательство этого—1.226.000 ходатайствъ о землеустройствѣ, поданныхъ въ 1912 г., и 3.860 000 ходатайствъ, поданныхъ съ 1907 г., каковое количество равняется почти третьей части всѣхъ дворовъ въ Европейской Россіи.

Во 2-хъ—авторъ утверждаетъ, что Крестьянскій Банкъ поднялъ цѣны на землю.

Это, конечно, отчасти вѣрно: но мы знаемъ, что Банкъ дѣйствовалъ такимъ образомъ для того, чтобы поддерживать помѣщиковъ—дворянъ. Я не думаю, чтобы кооперативы могли задаться такой цѣлью; не думаю вообще, чтобы въ ихъ интересахъ было вздувать цѣны искусственнымъ образомъ. Поскольку же цѣны растутъ по закону спроса и предложенія, кооперативы, являясь регуляторнымъ аппаратомъ мобилизаціи, будутъ лишь способствовать ихъ нормальному развитію.

Ростъ цѣнъ на землю—явленіе міровое и неизбѣжное при частной собственности на землю: кооперативамъ въ современныхъ условіяхъ придется лишь сглаживать всегда возможные, въ данномъ случаѣ, эксцессы. И, какъ я сказалъ сейчасъ, въ арендныхъ отношеніяхъ, кооперативы могутъ явиться весьма полезнымъ регуляторомъ.

Третье возраженіе—что малоимущіе слои населенія въ покупкѣ земли принимали слабое участіе, неправильно по существу. Привожу произведенную мной сводку данныхъ о распредѣленіи покупщиковъ Крестьянскаго Банка по слоямъ населенія за 1908—11 г.г. (по годичнымъ отчетамъ Банка).

Изъ 100 покупателей Банка было:

Безземельныхъ	16,6%
Имѣющихъ до 3 дес. на дворъ	29,7
„ 3—9 дес.	39,1%
„ 9—15 дес.	10,5
Свыше 15 дес.	4,1

Болѣе 85% покупателей Банка принадлежали къ малоземельнымъ и безземельнымъ.

Болѣе зажиточные элементы, покупающіе землю не по нуждѣ, а ради извлеченія изъ нея доходовъ, избѣгаютъ банковскихъ покупокъ изъ-за высокихъ цѣнъ. Убѣжденъ, что кооперативы еще больше перегнутъ мобилизацію въ сторону низшихъ слоевъ деревни и удешевятъ ее, насколько возможно.

Итакъ, передача ипотечнаго кредита въ руки кооперативныхъ учрежденій—это лучшее, что можно сдѣлать при существующемъ положеніи вещей.

Я согласенъ, что ипотечные долги потребуютъ отъ крестьянской массы, въ значительной степени, мало производительныхъ расходовъ, что они приведутъ къ необходимости затрачивать на уплату процентовъ и погашенія часть средствъ и силъ, которую крестьяне могли бы употребить съ большей пользой для себя и своего хозяйства. Все это вѣрно: но, нужно же признать, наконецъ, что ипотечный кредитъ, въ настоящихъ условіяхъ,—*стихійная неизбѣжность*; лучше, по-моему, если крестьяне будутъ съ ипотечными долгами и съ землей, чѣмъ безъ земли и все-таки съ долгами, такъ какъ питаться, одѣться, обуться имъ все-же необходимо и, для удовлетворенія этихъ элементарнѣйшихъ потребностей, многіе изъ нихъ продавали и закладывали свой единственный капиталъ—рабочія руки. Такъ, если земля будетъ въ кабалѣ, пусть хоть рабочія руки у нихъ останутся свободными. Со свободными рабочими руками легче будетъ избавиться, когда придетъ время, и отъ земельной кабалы....

Въ заключеніе отмѣчу, что ни правительственный, ни капиталистическій кредитъ не можетъ создать того, что создаетъ *общественный* кредитъ—*организацію* народныхъ массъ. Какую огромную роль играютъ существующіе кооперативы въ экономической и культурной организаціи деревни—общеизвѣстно. Если кооператизація коснется главнѣйшей основы крестьянскаго бытія — земли — организующее начало сможетъ проникнуть въ глубь хозяйственнаго организма земледѣльческой массы. Пересленческія артели, о которыхъ я говорилъ въ № 22 „Кооперативной Жизни“, меліоративныя товарищества, арендныя товарищества, товарищества для покупки земли, страховые союзы взаимнаго земельнаго обезпеченія, выполняющіе функціи разрушенной нынѣ

общины — всѣ эти, пока, призрачныя у насъ въ Россіи мечтанія идеологовъ обобществленія народнаго хозяйства, могутъ облечься въ плоть и кровь, разъ только кооперативныя организаціи получатъ власть надъ такимъ могучимъ хозяйственнымъ факторомъ, какъ земля. Какъ мифическому Антею, прикосновеніе къ землѣ удесятеритъ силу нашимъ кооперативамъ, раскроетъ такія перспективы, о какихъ мы сейчасъ и мечтать не можемъ и крѣпкимъ цементомъ насущнѣйшихъ взаимныхъ интересовъ спаяетъ разрозненныя крестьянскія массы.

Н. Огановскій.